

Научная статья
УДК 1(091)
DOI 10.35231/18186653_2022_3_8

Практическая философия как стратегия достойной разумной жизни

В. В. Кузнецов

*Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

Введение. Статья посвящена философии как таковой, которая по мнению автора является единством способа мышления и духовного восхождения. Проблемой западной философии автор считает то, что данное единство оказывается утраченным, вплоть до сведения философии исключительно к дискурсу. В статье рассматриваются причины такой трансформации философии. Методологическим принципом исследования является единство логоса и этоса. Это значит, что философия должна явить себя в своей ответственности не только за истину познания, но и за стратегию достойного человеческого существования.

Содержание. Философия, как «строгая наука», есть методология, т. е. учение о (правильном) способе достижения истины. В данном ракурсе, при постановке вопроса «что есть истина?», с необходимостью следует ответ, что истина есть то, к чему приходит наука, руководимая правильной методологией, т. е. истина есть то, к чему с неизбежностью ведет (правильное) мышление. При этом вне рассмотрения оказывается нравственный аспект истины. Наука, предоставившая человеку огромные возможности покорения природы и общества, оказалась не в состоянии сделать самого человека лучше, породив глобальные проблемы, угрожающие самой жизни на Земле. Автор полагает, что эти проблемы в принципе не могут быть решены в рамках ныне господствующего проекта науки и соответствующих этому проекту стандартов рациональности.

Выводы. Автор убежден, что необходимы иной проект науки и иной способ философствования. Необходимо постепенное (диалектическое) «снятие» западного способа теоретизирования, т. е. его отмена и одновременно сохранение самого лучшего и наиболее достойного в его содержания. Необходимо возвращение к собственно человеческому, то есть нравственно ориентированному мышлению. Это значит, что одной из главных задач современной эпохи является осуществление консервативной научной революции в самом строгом смысле – то есть отрицание западного способа теоретизирования с одновременным сохранением его великого содержания. При возвращении к первоначальному (истинному) значению концепта «революция» эпитет «консервативная» представляется излишним. Революция есть уничтожение ложного содержания и ложной формы и возвращение к истинному содержанию и истинной форме, утраченным в ходе исторического развития.

Ключевые слова: практическая философия, этика, мораль, достоинство, добродетель, динамический хаос, цивилизационная трансформация.

Для цитирования: Кузнецов В. В. Практическая философия как стратегия достойной разумной жизни // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2022. – № 3. – С. 8–21. DOI 10.35231/18186653_2022_3_8

Practical philosophy as a strategy for a decent intelligent life

Vladimir V. Kuznetsov

*St. Petersburg Polytechnic University of Peter Great,
Sankt-Peterburg, Russian Federation*

Introduction. The article is devoted to philosophy as such, which, according to the author, is the unity of the way of thinking and spiritual ascent. The author considers the problem of Western philosophy to be that this unity is lost, up to the point of reducing philosophy exclusively to discourse. The author examines the reasons for this transformation of philosophy. The methodological principle of the study is the unity of logos and ethos. This means that philosophy must manifest itself in its responsibility not only for the truth of knowledge, but also for the strategy of decent human existence.

Content. Philosophy, as a “strict science”, is a methodology, that is, the doctrine of the (correct) way to achieve the truth. In this perspective, when posing the question “what is truth?”, the answer necessarily follows that truth is what science comes to, guided by the correct methodology, that is, truth is what (correct) thinking inevitably leads to. At the same time, the moral aspect of truth is beyond consideration. Science, which has provided man with enormous opportunities to conquer nature and society, has proved unable to make man himself better, giving rise to global problems that threaten life itself on Earth. The author believes that these problems, in principle, cannot be solved within the framework of the currently prevailing project of science and the standards of rationality corresponding to this project.

Conclusions. The author is convinced that a different project of science and a different way of philosophizing are necessary. A gradual (dialectical) “removal” of the Western method of theorizing is necessary, that is its abolition and at the same times the preservation of the best and most worthy in its content. It is necessary to return to properly human, that is, morally oriented thinking. This means that one of the main modern era tasks is the implementation of a conservative scientific revolution in the strictest sense – that is, the rejection of the Western way of theorizing while preserving its great content. When returning to the original (true) meaning of the concept of “revolution”, the epithet “conservative” seems superfluous. Revolution is the destruction of false content and complex form and the return to the true content and true form lost in the course of historical development.

Key words: practical philosophy, ethics, morality, dignity, virtue, dynamic chaos, civilizational transformation.

For citation: Kuznetsov, V. V. (2022). Prakticheskaya filosofiya kak strategiya dostoinoj razumnoj zhizni [Practical philosophy as a strategy for a decent intelligent life]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. No. 3. pp. 8–21. (In Russian). DOI 10.35231/18186653_2022_3_8

Введение

Становление философии как единства науки и способа достойного существования происходит в ситуации больших исторических перемен как процесс и результат их осмысления [4, с. 24]. В условиях стабильности и покоя философия родиться не может. Здесь успешно работают религия, миф и то, что предшествует «любви к мудрости», т. е., собственно, «мудрость» – задающие традиционные критерии достойного образа жизни. Философия же есть поиск нового пути достойного существования в ситуации цивилизационной трансформации [5, с. 26]. Становление новой эпохи каждый раз рождает потребность в новой философии. Философия способна генерировать новые идеи, ценности и смыслы, а также новый опыт, которые в дальнейшем определяют пути духовного и социокультурного развития как личности, так и общества [15]. Проблемой исторического развития западной философии является необходимость удержания и воссоздания часто утрачиваемого единства способа мышления и образа жизни [1]. Современная же философия ищет не просто индивидуальное знание, важное для утверждения достоинства какого-то конкретного человека, но знание родовое, необходимое для выживания и достойного существования человеческого рода в целом. Необходимо именно такое родовое знание, когда глубоко личное в человеческой жизни имеет поистине всеобщее значение. Таково знание о личностном становлении достоинства как духовном восхождении, которое в таких модусах как героизм, святость, гениальность принадлежит одновременно времени и вечности.

Сегодня интерес к этике особенно усилился в условиях существенного обострения в современном мире моральных противоречий и нравственных конфликтов. Переживаемый современным человечеством глобальный кризис, основу которого составляет девальвация высоких идей, ценностей и смыслов, ставит под вопрос классические этические конструкции, такие как золотое правило нравственности, категорический императив И. Канта, христианская этика любви и сострадания. Опыт массового уничтожения людей и тотального слома человеческих характеров в XX веке означает кризис кантовского этического субъекта, а значит, и кризис всей классической новоевропейской этики.

Данная проблема стоит не менее остро для нынешнего «постхристианского» мира с его глобальным унижением «неприспособленных» и «пасынков прогресса», не сумевших вписаться в новый глобальный мировой порядок [11, с. 34]. В современном мире

произошло становление «человека бесхребетного», по выражению Ю. Эволя, утратившего высший духовный уровень, свою мужественную форму, способную собрать личность [19, с. 55]. Одновременно происходит широкое распространение культуры раскрепощения человеческого «низа», которая культивирует низкие и даже низменные антропологические качества.

Данная проблематика приобрела особую остроту именно для нашего времени, которое характеризуется «глобальным переходом от одной формы цивилизационного процесса к другой» [2, с. 6–7]. Переход отмечен тем, что антропологические константы и культурные универсалии претерпевают серьезные трансформации. Соответственно, изменяются интеллектуальные стратегии их исследования. Тотальной критике были подвергнуты абсолютные идеи и ценности, выступавшие раньше в качестве бесспорных мировоззренческих оснований построения философского знания. Духовной ситуации нашей эпохи, наступившей после «смерти» Бога, «смерти» автора, «конца» истории, вполне логично соответствует состояние «после добродетели» [10]. Это значит, что нравственные ценности и моральные понятия перестали иметь в умах людей ту силу и авторитет, которые они имели раньше.

Современный техногенный социум можно определить как общество, постоянно изменяющее сами основания своего существования [14]. Поэтому в его культуре, в отличие от традиционного общества, всячески поддерживаются новые идеи, смыслы, ценности и концепты.

Миссия философии, как показывают Ж. Делез и Ф. Гваттари – создание новых идей, ценностей и концептов [7]. Новые идеи и смыслы лежат в основании грандиозных социокультурных перемен. Мы живем в условиях «взрывной волны», говоря языком современной физики. Это значит, что как отмечает А. К. Секацкий, что изменения, которые в эпоху Средневековья происходили в течение тысячи лет, сейчас происходят за 20–30 лет, т. е. в течение жизни всего одного поколения, смена же поколений совпадает со сменой ценностей [13]. Сама философия по своей сути революционна. Это способ восхождения человека. Подобно христианству, философия есть, по мысли В. Л. Рабиновича, вечный авангард. В ней есть «вечно новая прелесть» (по выражению А. С. Пушкина применительно к Евангелию). Ничто не находится в равновесии. Мораль же, в том числе совесть и достоинство, есть проявление именно духовного равновесия, достигаемое медленным устойчивым развитием. Но ос-

[12]

мысление добродетели впервые становится необходимым именно в ситуации цивилизационных перемен.

Выдающиеся философы XX века, такие как Пьер Адо [1], Людвиг Витгенштейн [3], Мишель Фуко [16], А. А. Гусейнов [5] ищут новые основания единства искусства мысли и практики достойной жизни. Основой методологии нашего исследования является понимание сущности достоинства, рассматриваемого в оппозиции двух исследовательских парадигм – принципа совершенства и основанного на нем космического проекта науки (иными словами – «этики любви») и принципа свободы (воли) ученого и основанного на нем западного универсалистского проекта науки (или, в терминологии Ю. Н. Давыдова, «метафизики своеволия» [6]). В статье рассматривается принцип единства логоса и этоса. Это значит, что истина есть не только гносеологическая категория, но знание, определяющее человеческую жизнь.

Содержание исследования

Подобно «осевому времени», когда человек начинает определять себя не только извне, т. е. со стороны закона, традиции, а изнутри – со стороны собственной совести, автономно [21, с. 12], современный мир находится в состоянии динамического хаоса, которым характеризуется ситуация перехода цивилизационной системы от одной формы саморегуляции к другой. Именно с этим связано существенное ограничение сферы регуляции великих этических систем и утрата доверия к метанарративам, к высоким смыслам, идеям и ценностям [8, с. 5]. Нечто подобное мир переживал в эпоху позднего императорского Рима, когда раннее христианство фактически сыграло роль аттрактора (если использовать терминологию теории сложных систем), удержавшего всю систему Римской империи от падения в бездну и позволившего империи на какое-то время продолжить историческое существование. Восточный же Рим (Византия) успешно развивался еще тысячу лет.

Этика, наряду с религией, продолжает оставаться наиболее универсальной, консервативной системой ценностей. Соответственно, философия, рассмотренная с точки зрения её этического пафоса, не просто революционна, но консервативно-революционна. Этические регуляторы продолжают работать даже в условиях катаклизмов как социальных, так и личностных. В противном случае человечество давно прекратило бы свое существование. Даже лагерный заключенный, соблюдающий правила поведения «настоящего пар-

ня», занимает определенное место в лагерной иерархии и способен выживать в жестких условиях зоны.

Категорический императив Канта всегда работает в ограниченных пределах, не среди всех членов общества. Но этика всё же работает в пределах, необходимых и достаточных для выживания и развития социума в целом. Таким образом, этика как наиболее консервативная система регуляции человеческого поведения обладает большим запасом прочности. Нравственный субъект способен регенерировать себя даже в практически безнадежных состояниях распада и унижения. Но всё же запасы прочности как самой этики, так и этического субъекта отнюдь не беспредельны. Острый кризис нравственного субъекта рискует привести к его необратимому разрушению. Поэтому сегодня актуален вопрос создания новой парадигмы понимания человека и теории его ценностей. Важно понять, что такое современный человек, и какая этика соответствует данной антропологической реальности [17, с. 85–97].

Современные философские построения по-прежнему исходят из этических универсалий. Одной из таких малоизученных универсалий и антропологических констант является человеческое достоинство. Исследование данной категории способно восполнить (дополнить) универсальный характер этики. Оно встраивается в данную этическую конструкцию, становясь её центральной категорией, но отнюдь не центром всей этики. Не менее важную роль играют такие концепты как любовь, справедливость, долг, порядочность. Категория достоинства имеет этический характер, встраиваясь в универсальную этическую систему. Механизмы этой системы пока не разрушены и этические категории продолжают играть роль нравственных регуляторов, необходимых для выживания и развития общества.

Сейчас жизненно необходима иная социокультурная парадигма развития человеческой цивилизации. Она предполагает принципиальное отрицание самого деления общества на «избранных» и «отверженных». Право на достойную жизнь должно быть признано за каждым представителем рода человеческого. Должны быть также созданы социально-экономические условия для реализации данного права, понимаемого как право на восхождение. Поэтому сейчас необходим альтернативный западному пути цивилизационного развития глобальный социокультурный проект, высшей целью которого будет не развитие инновационных технологий, создающих новое качество жизни и новые социальные отношения (все это, разумеет-

[14]

ся, важно и необходимо), а развитие самого человека, «раскрытие и пробуждение его высших творческих способностей». Необходима «воля к (нравственному) улучшению человечества», по выражению Томаса Манна. Только тогда возможна человекомерная реализация грандиозного потенциала современных технологий. Технологическая революция, при всей своей несомненной значимости, всё же вторична по отношению к революции духовной, следствием которой может стать наступление новой гуманистической эпохи.

Значит, предмет практической философии есть философия сама по себе, как мышление мышления, являющегося основанием и, одновременно, результатом достойной разумной жизни. Именно понимание философии как мировоззрения, определяющего достойную разумную жизнь, т. е. как жизненной стратегии, формирующей достойное поведение, позволяет рассматривать всю философию во всем многообразии философских школ и направлений как единое целое. Именно единство искусства мысли и достойного способа существования есть всеобщее содержание философии как единого целого.

Современный философ Пьер Адо в своих работах выявляет один из фундаментальных аспектов античной философии. Французский исследователь показывает, что философия есть образ жизни, это нравственное поведение Пифагор, который первым назвал себя философом, впервые соединил в своем учении мистику, логику и нравственность. Философия изначально существует как способ бытия в мире.

В известной работе «Что такое античная философия?» П. Адо сформулировал принципы своей методологии. Возобновляя вопрос, поставленный некогда В. С. Соловьевым, о том, что есть философия – дело жизни или только школы?, – Адо исходит из безусловного приоритета образа жизни над теорией, что было с особой силой проявлено в античной философии. Античная философия, по Адо, это стратегия достойной разумной жизни, выбранная сознательно и свободно. Целью же того, что сейчас мы именуем модным словом «дискурс», в античности было теоретическое оправдание образа жизни. Философский дискурс является частью достойного поведения (подлинного) философа, но никак не наоборот. Адо говорит о приоритете воли над разумом (или разума практического над разумом теоретическим.).

В отличие от подхода М. Фуко, П. Адо утверждает, что принципом античной философии является не «культ себя», но «преодоление

себя», «выход за некоторые собственные пределы». Но они оба были согласны в том, что (подлинная) философия – это достойный способ существования. То есть это практическая философия, а не умозрение. Теоретический дискурс исходит из личностного экзистенциального выбора, но никак не наоборот – в этом согласны и Адо, и Фуко.

Философия рождается из необходимости ответа на цивилизационный вызов. Возникает необходимость рефлексии, осмысления и новой интерпретации традиционных идей и смыслов. Это великая духовная и интеллектуальная революция, когда человек впервые начинает определять себя со стороны собственной совести. Период так называемого «осевого времени» с VIII по VI в. до н. э. Тогда впервые появляется необходимость (самостоятельного) определения понятий как таковых.

Это делает Сократ, и с этого начинается наука. Появляется новый запрос. Собеседник спрашивает: Сократ, научи, как жить добродетельно? Сократ, в свою очередь, спрашивает: А ты знаешь, что такое добродетель? Далее в диалоге проводится длинная цепь рассуждений. Осуществляется рефлексия, осмысление предельных оснований. Задаются предельные вопросы. Но это делается с практической целью: для того, чтобы быть добродетельным, необходимо понять, что такое добродетель. Знание же того, что такое добродетель является основанием того, что человек не совершит недостойного поступка. Появляется необходимость теории (умозрения) как постижения сущности вещей, необходимость понять, что есть предмет по своей сути, а не только по явлению. Так происходит становление практической философии, целью которой является практика, т. е. достойное поведение [14].

В традиционном обществе важны, прежде всего, личностные образцы достойного поведения, которые были даны у Гомера и Гесиода [4]. Тогда не нужно было отвечать на вопрос, что такое героизм. Вот так ведут себя герои – Ахиллес, Гектор, Аякс, Одиссей. Вот личностные образцы героического поведения, и совершенно не нужно определять, что такое мужество и героизм как таковые, сами по себе. Не нужно было объяснять, почему это герои, почему именно они представляют собой примеры воинской доблести. Так работает героический миф. «Честь выше жизни» – это не требует аргументации.

В культуре «осевого времени» для того, чтобы жить достойно, появляется необходимость понять, что такое добродетель, красота, мужество. В возникновении философии как рефлексии по поводу

[16]

того, что есть добродетель, справедливость, честь, достоинство, мужество, проявилась уникальность «греческого чуда», «чуда Эллады».

Можно сравнить философию, как западный феномен, с учением Конфуция. На вопрос, что такое дао, учитель дает разным ученикам разные ответы. Потому, что все они находятся на разных уровнях совершенства, а именно уровень совершенства, достигнутый учеником, позволяет открыть для него тот или иной уровень понимания дао. Это совершенно иной принцип практической философии, чем на Западе.

Само философское мышление есть изменение себя, «самосовершеншение духа». В этом смысле философия как мышление, одновременно есть путь. Рациональное мышление необходимо в условиях динамического хаоса, цивилизационного перехода – для установления базового различия между реальностью и иллюзией, между подлинным и симулякр, между справедливым и несправедливым, добром и злом, достойным и недостойным, честью и бесчестьем [15]. Для установления базового различия необходимы основания. Философия есть напряженный поиск этих оснований, их рациональное обоснование.

Философское ядро у Платона – вопрошание об основаниях, поиск неких опор, благодаря которым возможно различие между достойным и недостойным. Нахождение данных опор в самом себе. Философия и есть искусство тонких различий. Главная формула (западной) науки – обосновать тезис. Ничего нет очевидного. Все должно быть доказано. Я отвечаю на вопрос, почему я это утверждаю. Знание – это мнение, которое я могу обосновать, благодаря определенным специфическим процедурам. Оно отличается от доксы, т. е. субъективного мнения. Необходимо различие между знанием и незнанием. Рациональное мышление по Платону означает отдавать себе отчет в чем-либо [14].

По парадоксальному суждению Александра Зиновьева, философия по своей сути есть неспособность решать реальные проблемы и практические задачи. Снисходительное (мягко говоря) отношение практиков, людей дела и поступка к людям гуманитарной науки, к интеллигенции в целом объясняется именно этим. Таким образом, происходит расщепление первоначального единства мысли и поступка. По мысли Александра Секацкого, именно из дефрагментации жизненного праксиса возникла европейская метафизика, главное отличие которой от различных типов восточной мудрости состоит в её дискурсивности [1, с. 10]. Это значит, что философ более не обязан

предъявить свой образ жизни, свою нравственную позицию и отстаивать её в любых испытаниях как онтологическое доказательство хотя бы момента истины, который присутствует в его философии.

Главной причиной разрыва теории и образа жизни послужило то, что в основу западного теоретизирования и соответственно западного проекта науки была положена не парадигма совершенства, разработанная Аристотелем, а парадигма свободы (свободы воли), разработанная софистами. Как показывает А. Ф. Лосев:

«софисты... термин, которым в древнегреческой литературе обозначали: 1) умных, изобретательных, искусных, практически знающих людей, иногда людей специальных профессий; 2) в узком смысле – учителей мудрости и красноречия, философов 2-й половины V века и 1-й половины IV века до н. э.» [9, с. 61].

Таким образом, слово «софист» имеет такие значения, как «мастер», «художник», «создатель», «мудрец». Наиболее же точное значение данного термина – «изобретатель» [9, с. 63]. Деятельность софистов не была бескорыстной, в отличие от истинно свободных видов деятельности, так как софист этим зарабатывал себе на хлеб насущный. С другой стороны, софисты достигали в своей деятельности высочайшего искусства и приносили большую практическую пользу политикам, ораторам, так как на технологиях убеждения строилась стратегия демократического правления в отличие от правления тиранического. Софисты исходили из того, что человек, наделенный свободой (воли), способен по своему произволу изменять содержание сущего. Это предполагает способность изобретать содержание сущего [12, с. 42]. Софист как таковой в отличие от философа, в принципе не обязан предъявить свой образ жизни как решающий аргумент правильности своей позиции.

Именно Сократ, полемизируя с софистами, наметил основные контуры парадигмы совершенства. Как свидетельствует Платон, Сократ следующим образом развивает идеи своего учителя Анаксагора об устройении мира:

«всему в мире сообщает порядок и всему служит причиной Ум; и эта причина мне пришлось по душе, я подумал, что это прекрасный выход из затруднений, если всему причина – Ум. Я решил, что если так, то Ум-устроитель должен устраивать все наилучшим образом и всякую вещь помещать там, где ей всего лучше находится. И если кто желает отыскать причину, по которой что-либо рождается, гибнет или существует, ему следует выяснять, как лучше этой вещи существовать, действовать или самой испытывать какое-либо воздействие. Исходя из этого рассуждения, человеку не нужно исследовать ни в себе, ни в окружающих ничего иного, кроме самого лучшего и самого совершенного. Конечно, он непременно должен знать и худшее, ибо знание лучшего и знание худшего – это одно и то же знание» [12, с. 67].

[18]

Аристотель, развивая идею совершенства, исходил из того, что «целое и законченное тождественны друг другу или родственны по природе». Целостность потому и является целостностью, что в ней заключено совершенство. Следовательно, совершенство всегда представляет собой качество целостности. Как показывает современный отечественный исследователь Н. М. Чуринов, именно Аристотель:

«впервые поднялся до уровня различения двух типов теоретизирования и выявления для каждого из двух типов фундаментальных оснований. С одной стороны, перед ним представали фантазмы, т. е. теоретические химеры софистов, нечто мыслимое без соотнесения с внешним миром, изобретенное, преследующее идеалы принципиальной непознаваемости мира, отсутствие необходимости познания мира, защищающее возможность произвольного переустройства мира. С другой стороны, существовало убеждение в необходимости и возможности следования этим законам. Перед Аристотелем развертывалась диалектика, раскрывающаяся явлениями совершенства, гармонии и красоты, а также явлениями всеобщей связи, единства мира и т.п. Аристотель, во-первых, различил две эти стороны теоретического освоения человеческого мира; во-вторых, он следовал представлению о том, что мир познаваем, и, в-третьих, отдал предпочтение диалектическому (космическому) проекту науки» [18, с. 22].

Таким образом, Аристотель сформулировал принцип совершенства, лежащий в основе космического проекта науки, согласно которому в процессе познания необходимо соединить лучшее и совершенное, когда лучшее получает свое завершение в совершенном.

Данная стратегия познания сейчас способна выступить альтернативой господствующему западному способу теоретизирования и западной науке в целом, имеющей целью завоевание господства над природой и обществом.

Еще стоики сформулировали различие между речью о философии (философским дискурсом) и собственно философией. Они исходили из того, что сферы философского знания, т. е. физика, логика и этика – суть, на самом деле, не части самой философии, но части философской речи. Они тем самым хотели сказать, что, когда речь идет о педагогическом процессе преподавания философии, нужно предлагать теорию физики, теорию логики, теорию этики. Требования речи, как логические, так и педагогические, заставляют формулировать эти различия [1].

Выводы

Сама философия, т. е. философский образ жизни – уже не просто теория, разделенная на части. Это единый акт, заключающий

в себе переживание логики, физики и этики. То есть мы больше не занимаемся теорией логики, хорошим говорением и хорошим думанием, но мы думаем и говорим хорошо; мы больше не занимаемся теорией физического мира, но созерцаем космос; мы больше не занимаемся теорией нравственного действия, но действуем прямо и праведно. Речь о философии сама по себе не является философией. Нам сразу приоткрываются последствия этого различия, сформулированного стоиками, но неявно принятого большинством философов, по поводу соотношения между теорией и практикой.

Уникальность философии заключается в том, что она соединяет правильное мышление с опытом достойной жизни. Проблема же заключается в том, что данное единство постоянно рискует оказаться утраченным в силу расщепления философии как целостности жизненного праксиса. Философия как дискурс оставляет в забвении бытие как проблему существования и судьбы. Ответом на данный вызов является практическая философия, в которой происходит воссоздание утраченного единства, но уже на новых основаниях. Данная философия появляется как новая область гуманитарного знания, предметом которой является достойное существование человека, рода, народа, Родины и человеческой цивилизации в целом. Сама философия в своей метафизической сущности есть достоинство. Достоинство есть реализация философии как стратегии достойной разумной жизни.

Список литературы

1. Адо П. Философия как способ жить: Беседы с Жанни Карлие и Арнольдом И. Дэвидсоном / пер. с фр. В. А. Воробьева. – М.: СПб.: Степной Ветер, ИД «Коло», 2005. – 288 с.
2. Бычков В. В. Художественный апокалипсис культуры. Строматы XX века: [в 2 кн.] – М.: Культурная революция, 2008. – 832 с.
3. Витгенштейн Л. Избранные работы / пер. с нем. и англ. В. Руднева. – М.: Территория будущего, 2005. – 436 с.
4. Гомер. Илиада / пер. Н. И. Гнедича. – М.: Гослитиздат, 1960. – 435 с.
5. Гусейнов А. А. Этика как практическая философия // Актуальные вопросы фундаментальной и прикладной этики. К 90-летию со дня рождения профессора В. Г. Иванова: материалы междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 23–24 марта 2012. – СПб.: СПб ГУП, 2012. – С. 24–33.
6. Давыдов Ю. Н. Этика любви и метафизика своеволия: проблемы нравственной философии. – М.: Молодая гвардия, 1989. – 317 с.
7. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия / пер. с фр. Сергея Зенкина. – М.: Академический Проект, 2009. – 261 с.
8. Лиотар Ж.Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с.
9. Лосев А. Ф. Софисты // Философская энциклопедия. Т. 5. – М.: Сов. энцикл., 1970. – С. 61–70.
10. Макинтайр А. После добродетели. Исследования теории морали / пер. с англ.

- [20] В. В. Целищева. – Екатеринбург: Деловая книга; М.: Академический Проект, 2000. – 384 с.
11. Панарин А. С. Искушение глобализмом. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. – 416 с.
 12. Платон. Сочинения. В 3 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1970. – 609 с.
 13. Секацкий А. К. Сила взрывной волны. – СПб.: Лимбус Пресс, 2005. – 399 с.
 14. Стёпин В. С. История и философия науки. – М.: Академический Проект, 2011. – 423 с.
 15. Стёпин В. С. Философия науки. Общие проблемы. – М.: Гардарики, 2006. – 384 с.
 16. Фуко М. Лекции, прочитанные в 1982 году в Университете Виктории в Торонто / подготовка к публикации, предисл. и критический аппарат А.-П. Фрюшо, Д. Лоренцини; пер. с фр. Д. Кралечкина; под науч. ред. М. Маяцкого. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2021. – 336 с.
 17. Хоружий С. С. Кризис классической европейской этики в антропологической перспективе // *Этика науки: [Сборник]* / отв. ред. В. Н. Игнатъев. – М.: ИФ РАН, 2007. – С. 85–97.
 18. Чуринов Н. М. Совершенство и свобода: Философские очерки. – Красноярск: СИ-БУП, 2003. – 515 с.
 19. Эвола Ю. Лук и булава / пер. с ит. В. В. Ванюшкиной. – СПб.: Владимир Даль, 2009. – 381 с.
 20. Эвола Ю. Метафизика пола / пер. с фр. В. И. Русинов. – М.: Беловодье, 1996. – 448 с.
 21. Ясперс К. Смысл и назначение истории / пер. с нем. – М.: Политическая литература, 1991. – 530 с.

References

1. Ado, P. (2005). *Filosofiya kak sposob zhit'. Besedy s Zhanni Karlie i Arnoldom I. Davidsonom* [Philosophy as a way to live: Conversations with Jeannie Carlier and Arnold I. Davidson]. Sankt-Peterburg: Steпноj veter; Kolo. 288 p. (In Russian).
2. Bychkov, V. V. (2008). *Hudozhestvennyj apokalipsis kul'tury. Stromaty XX veka* [Artistic apocalypse of culture. Stromata of the XX century]. Moskva: Kul'turnaya revolyutsiya. 832 p. (In Russian).
3. Vitgenshtejn, L. (2005). *Izbrannye raboty* (Logiko-filosofskij traktat. Korichnevaya i Golubaya knigi) [Selected works. Logical and philosophical treatise]. Moskva: Territoriya budushchego. 440 p. (In Russian).
4. Gomer. (1960.). *Iliada* [Iliad], transl. by N. I. Gnedicha. Moskva: Eksmo. 608 p. (In Russian).
5. Gusejnov, A. A. (2012). *Ehtika kak prakticheskaya filosofiya* [Ethics as a practical philosophy]. *Aktualnye voprosy fundamentalnoj i prikladnoj etiki* [Actual issues of fundamental and applied ethics]. Sankt-Peterburg: SPb GUP. pp. 24–33. (In Russian).
6. Davydov, Yu. N. (2007). *Ehtika lyubvi i metafizika svoevolija: problemy npravstvennoj filosofii* [Ethics of love and metaphysics of selfwill: problems of moral philosophy]. Moskva: Molodaya gvardiya. 287 p. (In Russian).
7. Delez, Zh. Gvattari, F. (2009). *Chto takoe filosofiya* [What is philosophy]. Moskva: Akademicheskij projekt. 261 p. (In Russian).
8. Liotar, Zh. F. (1998). *Sostoyanie postmoderna* [The state of postmodernity]. Moskva: Institut eksperimentalnoj sotsiologii; Sankt-Peterburg: Aletejya. 160 p. (In Russian).
9. Losev, A. F. (1970). Sofisty [Sophists]. *Filosofskaya entsiklopediya* [Philosophical Encyclopedia]. Vol. 5. Moskva: Sovetskaya entsiklopediya. pp. 61–70. (In Russian).
10. Makintajr, A. (2000). *Posle dobrodeteli. Issledovaniya teorii morali* [After virtue. Studies of the theory of morality]. Ekaterinburg: Delovaya kniga; Moskva: Akademicheskij projekt. 384 p. (In Russian).
11. Panarin, A. S. (2002). *Iskushenie globalizmom* [The temptation of globalism]. Moskva: Izd-vo Eksmo Press. 416 p. (In Russian).
12. Platon (1970). *Sochineniya* [Essays]: in 3 vols. Vol. 2. Moskva: Mysl'. 609 p.
13. Sekatskij, A. K. (2005). *Sila vzryvnoj volny* [The force of the blast wave]. Sankt-Peterburg: Limbus Press. 399 p. (In Russian).

14. Styopin, V. S. (2011). *Istoriya i filosofiya nauki* [History and Philosophy of science]. Moskva: Akademicheskij proekt. 423 p. (In Russian).
15. Styopin, V. S. (2006). *Filosofiya nauki: obshchie problemy* [Philosophy of Science: General problems]. Moskva: Gardariki. 384 p. (In Russian).
16. Fuko, M. (2021). *Govorit' pravdu o samom sebe* [To tell the truth about yourself]. Moskva: Delo. 336 p. (In Russian).
17. Horuzhij, S. S. (2007). *Krizis klassicheskoj evropejskoj etiki v antropologicheskoj perspektive* [The crisis of classical European ethics in an anthropological perspective]. *Etika nauki* [Ethics of Science]. Moskva: IF RAN. pp. 85–97. (In Russian).
18. Churinov, N. M. (2003). *Sovershenstvo i svoboda. Filosofskie ocherki* [Perfection and freedom: Philosophical essays]. Krasnoyarsk: SIBUP. 515 p. (In Russian).
19. Evola, Yu. (2009). *Luk i bulava* [Bow and Mace]. Sankt-Peterburg: Vladimir Dal'. 381 p. (In Russian).
20. Evola, Yu. (1996). *Metafizika pola* [Metaphysics of gender]. Moskva: Belovod'e. 448 p. (In Russian).
21. Yaspers, K. (1991). *Smysl i naznachenie istorii* [The meaning and purpose of history]. Moskva: Politicheskaya literature. 530 p. (In Russian).

Об авторе

Кузнецов Владимир Викторович, кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-1095-6124, e-mail: volodiakuznetzov@yandex.ru

About the author

Vladimir V. Kuznetsov, Cand. Sci (Philos), associate professor, St. Petersburg Polytechnic University of Peter Great, Sankt-Peterburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0002-1095-6124, e-mail: volodiakuznetzov@yandex.ru

Поступила в редакцию: 25.04.2022

Received: 25 April 2022

Принята к публикации: 10.06.2022

Accepted: 10 June 2022

Опубликована: 30.09.2022

Published: 30 Sept. 2022